

А-Фу громко залаял, но, получив окрик от хозяйки, тут же послушно притих.

Тяжёлый ужин окончился, и все разошлись по заранее определённым местам ночлега. Цзян Ифэй и Фу Сьюэ остались в том же доме, где и ужинали, вместе с ними заночевали ещё несколько членов съёмочной группы.

Обоим было неловко, и они поднялись наверх, готовясь ко сну.

Дом был самодельным, трёхэтажным. Пол хоть и не был покрыт плиткой, но хотя бы залит цементом. Стены также не штукатурили, ограничившись цементной смесью, что в целом смотрелось довольно опрятно.

Хозяйка проводила их на третий этаж. Едва поднявшись, они увидели огромную кучу тёмных, невзрачных картофелин и других неопознанных сельхозкультур, рассыпанных по нескольким корзинам и ящикам, которые слегка преграждали путь.

Фу Сьюэ, словно обходя минные поля, осторожно пробирался между препятствиями, в то время как Цзян Ифэй и хозяйка смеялись так громко, будто готовы были сорвать крышу.

Фу Сьюэ сжал губы, не обращая на них внимания.

В комнате стояли кровать, маленький столик и даже была отдельная уборная. Хозяйка с добродушной улыбкой пояснила: «Здесь раньше жила наша старушка-мать. Мы специально прибрали всё начисто для вас».

Двое и собака: «...» Не обязательно было это уточнять.

Они понимали, что хозяйка не имела в виду ничего дурного, но всё равно испытали лёгкую неловкость. Дождавшись, когда хозяйка закончит все наставления и уйдёт, они осмотрелись. В комнате было довольно чисто. Сидя на кровати, они молча переглянулись.

— Я же говорил, что условия будут плохими, а ты всё равно настоял. Ну как, доволен? — сказал Цзян Ифэй.

Фу Сьюэ помолчал, и лишь спустя некоторое время выдавил:

— Я думал, мы остановимся в посёлке.

Цзян Ифэй рассмеялся, взял спрей от насекомых и обильно обработал комнату, после чего сбежал вниз за багажом. Два больших чемодана он взнёс на третий этаж, не запыхавшись и даже не покраснев. Аккуратно поставив чемоданы на пол, он спросил:

— Что у тебя там? Такие лёгкие?

Гу Шутун чуть не подпрыгнул от удивления. Чемоданы были забиты до отказа, и хотя каждый в отдельности не казался чрезмерно тяжёлым, вместе они составляли приличный вес. Взрослый мужчина, конечно, мог бы поднять оба, но вряд ли с такой лёгкостью, без малейшей одышки, как это сделал Цзян Ифэй.

Гу Шутун: Вот это да! Здоровяк!

Фу Сьюэ, уже привыкший к силе Цзян Ифэя, спокойно назвал код от замка и попросил достать хлеб, чтобы перекусить.

Цзян Ифэй, адаптировавшийся к местной пище, уговаривал Фу Сьюэ есть больше, уверяя, что блюда лишь выглядят неаппетитно, а на вкус очень даже ничего.

Фу Сьюэ ничего не ответил, взял хлеб и принялся медленно есть. Закончив, он усадил Гу Шутуна на кровать и насыпал ему корма.

Миска Гу Шутуна стояла на столике, и он, лёжа на кровати, с аппетитом уплетал ужин. Цзян Ифэй с завистью проворчал:

— Фу Сьюэ, ты что, совсем того? У него условия просто шикарные.

Гу Шутун, не поворачивая головы, косясь на него глазами: Прости, но быть любимчиком — это очень приятно.

Оба устали после долгого дня и, совершив вечерний туалет, приготовились ко сну. Цзян Ифэй ожидал, что Фу Сьюэ достанет из своего чемодана-Дораэмона собачью лежанку, но вместо этого увидел, как Гу Шутун мирно устроился на самом Фу Сьюэ.

Цзян Ифэй вскричал:

— Боже! Фу Сьюэ, ты что, совсем рехнулся?! Ты что, жену себе завёл?

Фу Сьюэ лишь лениво приподнял на него веко, словно говоря, что тот излишне драматизирует.

Цзян Ифэйю казалось, что за день он уже исчерпал весь лимит удивления, но он явно недооценивал эту парочку.

Посреди ночи Цзян Ифэй сквозь сон почувствовал, что зажёгся свет. Пробормотав что-то невнятное, он спросил Фу Сьюэ, что тот делает, но, не получив ответа, с трудом приподнял веки.

Фу Сьюэ отнёс собаку в уборную, вышел, закрыл за собой дверь, а спустя некоторое время вернулся, забрал Гу Шутуна и спустил воду.

Цзян Ифэй окончательно проснулся:

— Фу Сьюэ, да ты совсем с ума сошёл!!!

Гу Шутун оскалился в его сторону: Ещё как.

Поскольку шли съёмки фильма, общее время пребывания здесь было не таким уж большим. Несколько кадров требовали именно этого старого дома, а построить подходящую декорацию было невозможно, поэтому приходилось ждать смены сезонов и роста собаки. После того как Гу Шутун отснял сцены взросления щенка в период зимы и весны, ему предстояло вернуться сюда поздней осенью. Остальные разрозненные сцены можно было снять в других местах.

В принципе, вся съёмочная группа могла бы снять фильм довольно быстро, и некоторые сцены действительно можно было заменить, но эпизоды с участием Гу Шутуна рядом с этим домом были обязательными и требовали времени. Все актёры подстроили свои графики: когда съёмки этого фильма не шли, они участвовали в других проектах.

Времени было в обрез. На следующий день погода прояснилась, и съёмочная группа с самого утра была в полной готовности. Декорации устанавливали, свет настраивали. Чжэн Чэнсюнь, ещё вчера беззаботный красавчик, сегодня стараниями гримёров превратился в замкнутого и

уставшего работягу.

От Гу Шутуна не требовалось особого актёрского мастерства — нужно было просто следовать за Чжэн Чэнсюнем и смотреть на него преданным взглядом. Если требовалось полаять, работники просто подавали сигнал «гав», и Гу Шутун повторял.

После нескольких сцен, снятых без сучка без задоринки, все, кто переживал, что собака может не слушаться, вздохнули с облегчением.

В следующей сцене Чжэн Чэнсюнь должен был разжечь огонь в глинобитной печи, а Гу Шутун, как обычно, находился рядом.

Требовалось снять несколько действий: зажечь сухие ветки, раздуть огонь через поддувало. Чжэн Чэнсюнь заранее научился у деревенских и приступил к делу уверенно. Однако, когда он попытался раздуть пламя, едкий белый дым потянулся прямо из поддувала ему в лицо, заставив прослезиться.

— Гав-гав-гав! Ха-ха-ха!

Чжэн Чэнсюнь попробовал ещё несколько раз, но каждый раз терпел неудачу. В конце концов, ему пришлось отказаться от непрерывного дубля, и огонь разожгли за него.

Гу Шутуну стало скучно. В фильме этот момент занял бы меньше минуты, но на съёмки ушло больше получаса. А он ведь был всего лишь фоновой собакой, и это было невероятно утомительно!

Когда дело дошло до жарки, и Чжэн Чэнсюнь стал неуклюже орудовать железным половником, режиссёр с досадой крикнул «Стоп!».

— Кто так готовит? Сразу видно, что ты новичок, и весь образ разваливается.

Фу Сьюэ усмехнулся и отвёл Гу Шутуна в сторону, чтобы угостить лакомством.

Режиссёр велел Чжэн Чэнсюню как следует поучиться у других, как правильно переворачивать еду на сковороде, и тот действительно отправился к соседям за мастер-классом.

Гу Шутун: Хм, довольно ответственно подходит к делу.

Спустя недолгое время Чжэн Чэнсюнь вернулся, полный уверенности, и Гу Шутун снова оказался перед высокой чёрной печью.

Чжэн Чэнсюнь справился отлично, движения были вполне правдоподобны, и этот дубль был принят.

Потом сняли ещё немного бытовых сцен: Чжэн Чэнсюнь сортировал урожай на заднем дворе или сажал что-то в огороде перед домом. Гу Шутуну нужно было просто находиться рядом и наблюдать за ним.

Таким образом, Гу Шутун был просто живым фоном, да ещё и вынужденным сохранять определённую позу. Ему оставалось только скучать, и это было ужасно неинтересно. Он начал жалеть, что согласился на эту дурацкую роль главного героя. Во всём виноват Цзян Ифэй, этот пройдоха.

После обеда съёмки продолжились. В этой сцене сдержанный Чжэн Чэнсюнь должен был

проявить редкую нежность к собаке, чтобы запечатлеть тёплый момент между ними.

Чжэн Чэнсюнь скованно положил руку на спину Гу Шутуна, и оба вздрогнули. Гу Шутуну было неприятно от прикосновения незнакомого человека, а Чжэн Чэнсюня пронзил ледяной взгляд Фу Сьюэ со стороны.

Фу Сьюэ: Отлично, посмел прикоснуться к моей собаке!

После нескольких дублей режиссёр Чжан в конце концов смиловился и принял сцену.

После долгих мучений со съёмками в помещении пришло время выходить на улицу. Чжэн Чэнсюнь с потрёпанной бамбуковой корзиной за спиной отправился в горы копать бамбуковые побеги.

На этот раз Чжэн Чэнсюнь был в хорошей форме, движения при копке выглядели идеально, а вот проблема возникла у Гу Шутуна.

В этой сцене он должен был постоянно мешать, и Чжэн Чэнсюню приходилось раз за разом откладывать мотыгу, чтобы отогнать его. В конце, прямо перед тем, как Чжэн Чэнсюнь занесёт мотыгу для удара, Гу Шутун должен был подбежать, а Чжэн Чэнсюнь, изображая терпеливого хозяина, должен был сдерживать силу, бросить мотыгу и снова прогнать собаку.

Гу Шутун струсил: М-м-м... От такого удара я могу и не выжить.

Он ужасно боялся этой мотыги. Она выглядела такой тяжёлой и неустойчивой — что, если она сорвётся и ударит его?

Он ни в какую не решался встать перед мотыгой. Съёмочная группа нервничала, но что поделаешь с собакой спонсора — ни ударить, ни отругать нельзя, оставалось только смириться и терпеть.

Гу Шутун понимал, что работники волнуются, и ему было неловко. Наконец, он набрался смелости и замер перед мотыгой. Чжэн Чэнсюнь с ювелирной точностью рассчитал силу, и катастрофы, которую воображал Гу Шутун, не произошло. И Фу Сьюэ, и Гу Шутун разом выдохнули с облегчением.

<http://bllate.org/book/15954/1426742>